

В.А. Мельянцев, д.э.н., профессор ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова
О книге В.В. Попова (Vladimir Popov. "Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West" (можно перевести как «Разные судьбы. Экономическая история Китая, России и Запада»). New York, Oxford University Press, 2014. – 191 p.

Новая книга В.В. Попова, профессора АНХ и ГУ, РЭШ и Карлтонского университета (Оттава), эксперта ООН, посвященная *уточнению и переосмыслению причин успехов и неудач* в долгосрочном экономическом развитии ряда ведущих стран (регионов) мира, - достаточно интересное, насыщенное, хотя и не во всем бесспорное исследование, побуждающее к размышлениям и дискуссии. Базируется на десятках рассчитанных автором таблиц, графиков, регрессионных уравнений. Список литературы насчитывает несколько сотен весомых по своей значимости монографий и статей.

Такого рода работа полезна, поскольку, во-первых, несмотря на массу публикаций по отмеченной тематике, далеко *не все понятно (есть разные версии) относительно важнейших факторов долговременного подъема стран Запада и отставания (вплоть до последних десятилетий) стран Востока (хотя в весьма отдаленном прошлом – тысячу лет назад – именно последние лидировали)*. В книге критически анализируются ряд (нео)либеральных (по мнению автора книги - упрощенных) подходов. В их основе - тезис о том, что Запад добился успеха преимущественно в результате распространения протестантской этики, реализации принципа верховенства закона, защиты частной собственности, развития конкуренции и разделения труда, усиления свободы и демократии (см.: Дж. Мокир, Д. Ачемоглу и др.). В работе с несколько большей симпатией рассматриваются воззрения т.н. «альтернативщиков» (Й. Моррис, Дж. Дайемонд, К. Померанц, Д. Родрик и др.), которые полагают, что (помимо прочего) Западу просто повезло, в т.ч. с географией, ресурсами и историей (стр.13-15). Можно,

развивая их логику, сказать, что Азия, в то время как Запад стал подниматься, «интровертировалась», занимаясь довольно жестокими внутренними разборками (в ходе завоеваний Чингисхана, Тамерлана, моголов, османов, маньчжуров и др.).

Не отрицая «частичную» правоту изложенных выше подходов, В.В. Попов, приведя ряд фактов и аргументов, делает особый акцент на том, что без усиления эксплуатации своих и чужих народов (Востока и Юга) ныне развитым странам было бы невозможно существенно повысить норму капиталовложений (см. гл.1 и 2), а стало быть, запустить механизм устойчивого роста ВВП в расчете на душу населения¹. Логика и выводы автора (насчет «фактора эксплуатации»), разумеется, имеют право на существование. Но они, при всем уважении, не бесспорны и вряд ли являются ключевыми (к чему мы еще вернемся) в объяснении генезиса современного экономического роста.

Во-вторых, в современных условиях возрастающего взаимодействия и противостояния развивающихся и развитых стран (например, КНР и США, БРИКС vs G7), ослабления стран Запада и Японии в ряде экономических сфер, сбоях в неолиберальных моделях роста (стр. 6, 117, 148), а также в целом усиления ведущих государств Востока и Юга перед исследователями, экспертным сообществом, правительствами многих стран мира весьма остро стоит вопрос об *уточнении важнейших принципов и слагаемых успешной государственной экономической политики* (стр. 7).

Поэтому поставленные В.В. Поповым задачи - более чем актуальные, но нелегкие. *Стремясь демифологизировать* историю экономических успехов и неудач, желательно было бы объективности ради (хотя возможно ли это в нашем, весьма ангажированном и перегруженном не вполне достоверной информацией мире?): (а) избежать двойных - и что еще сложнее - полоторных стандартов в оценках и диагнозе происходящего, предписаниях

¹ О долгосрочной динамике нормы капиталовложений в ныне развитых и развивающихся странах см.: Мельянцева В.А. Анализ важнейших трендов глобального экономического роста. М., 2013. С. 18-27.

и рецептах лечения экономических болезней, (б) не нагромоздить еще большее количество мифов, вследствие в т.ч. использования недостаточно проверенных фактов и не вполне надежных систем доказательств.

Монография, несмотря на ее сравнительно небольшой объем (менее 200 страниц), весьма плотная. В небольшой рецензии дать анализ всех затронутых в ней проблем нереалистично. Но оценить кое-что из наиболее важного - можно. Представляется обоснованным и весьма практичным в плане разработки стратегий развития вывод В.В. Попова² о том, что не может существовать единого свода правил успешного развития для всех времен и народов. Но *для каждой стадии* экономического развития, разумеется, при заданных ресурсных и иных возможностях страны, существует *своя группа ведущих факторов и инструментов успешной экономической политики* (стр. 7, 116-117, 123, 145, 148).

В этом контексте автор, поддерживая и развивая ряд тезисов таких ученых, как Х. Д. Чхан, Э. Рейнерт, Д. Родрик³, справедливо указывает на то, что страны Запада, долгое время предлагавшие менее развитым странам жесткие (не вполне совместимые с их возможностями) правила либеральной макроэкономической политики типа Вашингтонского консенсуса (о котором немало написано критических слов в российской и зарубежной литературе), в реальности ни (особенно) в прошлом, ни в настоящем сами им *далеко не всегда* следовали. Чтобы не упрощать, как это иногда делают, в частности, леворадикальные экономисты, отмечу, что страны Запада все же следовали этим правилам-принципам, но, если получалось, в то время, когда им было выгодно, и в тех формах и масштабах, в каких им было выгодно.

Возвращаясь к предыдущей мысли, подчеркну, что речь идет о проведении в прошлом, в т.ч. в периоды до и на этапе их индустриализации, да и в

² См. об этом также предыдущую монографию В.В. Попова «Стратегии экономического развития». М., 2011.

³ См.: Chang Ha-J., ed. Rethinking Development Economics. L., 2003; Reinert E. How Rich Countries Got Rich ... And Why Poor Countries Stay Poor. New York, 2007; Rodrik D. One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth. Princeton, 2007; Rodrik D. The Globalization Paradox: Why Global Markets, States, and Democracy Can't Coexist. Oxford, 2011; Чхан Х.Д. «23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм». М., 2014.

настоящем, более или менее выраженной промышленной политики, в т.ч. экспорториентированного импортозамещения (стр. 145); господдержке своих стратегически важных отраслей и предприятий, банков, ТНК; об увеличении, когда считали выгодным для себя (например, в условиях кризиса, дефицита совокупного спроса), размеров фискального дефицита, практике «количественного смягчения» (стр. 117), не говоря уже о применении во все больших (правда, пока еще, хочется верить, не в тотальных) масштабах современных методов кибершпионажа - за конкурентами и партнерами.

Автор напоминает, что в период т.н. «промышленного рывка», стадияльно близкий, к тому, что сейчас проходят многие развивающиеся страны, ныне развитые государства Запада, Япония и новые индустриальные страны были весьма далеки от либерально-демократического идеала (во многих были авторитарные режимы, или - в случае Великобритании и США - ограниченные демократии, с весьма низкими для подавляющей части населения социальными и экологическими стандартами, стр. 148-149). Некоторые из них, например, Япония и Южная Корея, стремясь укрепить свою экономическую самостоятельность, долгое время ограничивали приток ПИИ (стр. 118, 129, 140-141, 145).

В монографии достаточно аргументировано обосновывается эффективность проводимой рядом успешных стран мира, в т.ч. Японией, некоторыми из азиатских НИС, КНР политики *сдерживания роста (заниженного) валютного курса* через накопление валютных резервов (см. гл.5). Это действительно один из важных инструментов одновременно экспортрасширения и импортзамещения и увеличения сбережений до момента/порога, когда подушевой ВВП страны не превышает примерно двух третей от уровня США (стр.130), поскольку продолжение этой политики, во-первых, наталкивается на противодействие других, более развитых стран, а во-вторых, тормозит наращивание неценовых конкурентных преимуществ.

В.В. Попов, соглашаясь с рядом ученых (например, У. Истерли), считает, что для преодоления отсталости менее развитых стран надо *не столько предоставлять им помощь* (правда, замечу, в экстренных случаях - это просто необходимо), поскольку часто она⁴ «проедается» местными бюрократами и международными экспертами, *сколько обеспечить для развивающихся стран смягчение ныне существующих в рамках ВТО сравнительно жестких требований* в сфере внешней торговли, защиты интеллектуальных прав собственности, миграции (стр. 163). Тем самым, это могло бы приблизить ситуацию к тем, в чем-то, быть может, более благоприятным стартовым условиям развития стран Запада и Японии, когда последние вставали на рельсы современного экономического роста.

Отмечая, что механизм, обеспечивающий быстрый и устойчивый экономический рост, более сложен, чем обычно считается (стр. 112), В.В. Попов на примере стран Запада, Востока (Китая), переходных экономик Центральной и Восточной Европы, а также России показывает с использованием ряда фактов и аргументов, что долговременный рост экономики в гораздо меньшей степени зависит от скорости и даже глубины проведения реформ и - намного большей (по автору, «на 90%») - от сохранения/создания сильных, прежде всего государственных институтов.

Далее, рассуждая в целом в логике А. Пшеворского и Ф. Закарии, он приводит ряд доводов в пользу того, что в экономически не (совсем) развитых странах обеспечить верховенство закона (и стабильность «правил игры»), скорее всего (но вовсе не обязательно, - В.М.), более способны автократии, чем демократии, многие из которых в силу их незрелости, как правило, нелиберальные и слабые (стр. 96-97, 105-108, 113-114).

Один из интересных тезисов, выдвинутых в монографии и заслуживающих дальнейшей разработки и верификации, состоит в том, что эффективность упомянутых институтов, по мнению автора, в тенденции скоррелирована (а)

⁴ К тому же размеры помощи, о которой столько разговоров, в мировых масштабах мизерны - 0.2-0.3% глобального ВВП, на порядок уступая доле в нем военных расходов (см.: The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D.C, 2012. P. 376, 310).

отрицательно с уровнем неравенства доходов (стр. 54) и *(б) позитивно* с объемом предоставляемых населению социальных услуг (стр. 108-109, 112).

Особое внимание и, похоже, симпатия у автора - к несколько идеализированной им модели Китая, добившегося, как известно, за последние тридцать с лишним лет, несмотря на ряд возникших проблем и трудностей - ухудшение экологической обстановки, повышение капиталоемкости роста, усиление неравенства в доходах - колоссальных успехов в экономической и социальной сферах. С В.В.Поповым нельзя не согласиться в том, что один из важнейших факторов успеха Китая - приверженность в экономической политике его руководства, начиная с Дэн Сяопина, в целом не столько теоретически-умозрительному (теоретически-догматическому), сколько *экспериментальному подходу* (стр. 6), а точнее - практике ограниченных (во времени и пространстве) экспериментов. Это позволяло КНР, в отличие от РФ, в ходе осуществления процесса «созидательного разрушения» во многом минимизировать последнее до момента, пока не окрепнут более эффективные новые структуры и институты (стр. 95, 115, 162). Это, стоит признать, весьма ответственный и разумный *принцип конструирования своего будущего*, который, увы, в минимальной мере был принят к действию правящими элитами в СССР/РФ в последние три десятилетия.

Однако, ряд тезисов в работе, на мой взгляд, недостаточно обоснован. Так, не вполне понятно, почему традиционные, в т.ч. *коллективистские институты* и ценности, которые на протяжении долгого времени сохранялись в странах Востока и Юга, по мнению автора, эффективны и способны обеспечить хороший экономический рост (стр.3, 20-21, 53, 87). Если же эти традиционные «восточные ценности» так хороши, то, во-первых, почему Восток (и Юг, включая, Южную Азию), имевший в прошлом немалую историческую фору и солидный задел в технико-технологическом,

культурном и экономическом развитии по сравнению с Европой⁵, так и не сумел осуществить «промышленный рывок» и перейти к более или менее устойчивому росту подушевого дохода до начала промышленной революции в странах Запада и захвата ими многих стран Востока и Юга?

А во-вторых, как получилось, что режимы, в значительной мере использовавшие коллективистские институты, а именно - советская административно-командная система (которую автор в своих характеристиках, на мой взгляд, приукрашивает, переоценивая ее качество и недооценивая экономические и человеческие «издержки» ее функционирования; стр. 59-60, 63, 65-67, 73-74, 119-120), маоистский Китай, восточноевропейские «социализмы», страны т.н. соцориентации, а также Куба и Северная Корея - оказались не способны (без серьезной трансформации) создать долговременно действующий механизм интенсивного (а не затратного, на базе мобилизационной модели) экономического роста?

Эти традиционные, коллективистские ценности и институты, которые в прошлом были имманентно присущи азиатскому способу производства, с очень сильной и жесткой вертикалью власти и, как правило, минимальной защитой собственности купца-предпринимателя и его жизни (не говоря уже о простых общинниках), о чем еще писал К. Маркс (и не только он)⁶, нигде на Востоке и Юге до и без более чем жесткого вмешательства извне западных колонизаторов так и не удалось по-настоящему трансформировать. Успехи последних на этом поприще, судя по всему (и с учетом последних событий в мире), тоже оказались ограничены. Вспышек традиционализма и нестабильности в, казалось бы, уже во многом модернизовавшихся восточных, некоторых африканских и некоторых других обществах весьма много и их число и интенсивность растут.

⁵ См.: Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1 – 2030 гг. М., 2012. Гл. 2 и 3; Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. Гл.2.

⁶ См.: Петров А.М. Азиатский способ производства и XXI век // «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности. М., «Гуманитарий», 2004; Непомнин О.Е., Иванов Н.А. Типология азиатских обществ. М., 2010.

Завершая тему, хотел бы уточнить, что, в отличие от стран с традиционным восточным коллективизмом, с которым автор связывает добрые надежды, синергия коллективных действий *в более свободных обществах*, где самооценность индивидов, а стало быть, как правило, выше и качество их человеческого капитала, в целом, как показал опыт последних двух столетий, более мощная, что выразилось в более высокой за это время в них динамике инноваций и совокупной факторной производительности.

То, что в результате усиления неравенства распределения доходов может увечиться норма капиталовложений, как отмечает автор, вовсе не означает, что это явление - весьма частое. Общеизвестно, да и сам автор приводит примеры того (стр. 31), что рост неравенства и прибавочного продукта (который по абсолютным и относительным размерам в средние века и новое время был намного больше на Востоке, чем в Европе), приводил, прежде всего, к возрастанию *непроизводительного потребления* среди имущей части населения и знати (строительство пирамид, дворцов, храмов, огромные военные расходы и оборонительная инфраструктура, потребление роскоши, содержание гаремов). Здесь также полезно напомнить, что, хотя страны Запада в период своей колониальной экспансии «немилосердно» грабили и эксплуатировали страны и народы Востока и Юга, все же масштабы и негативные социально-институциональные последствия громадных разрушений, геноцида, грабежей и жестокой эксплуатации в ходе и в результате покорения одних восточных (африканских) народов другими в течение столетий и тысячелетий (а) им в основном предшествовали и (б) были столь значительны, что затормозили вызревание в странах Востока и Юга интенсивного роста, несмотря на наличие у них немалого потенциала для накопления капитала⁷.

Автор особо подчеркивает, что в современном Китае защита частной собственности не играет важной роли (стр. 21). Но, во-первых, там на протяжении *тридцати с лишним лет* вплоть до настоящего времени то, что

⁷ См., например: Jones E.L. Growth Recurring. Economic Change in World History. Oxford, 1988.

можно считать частной собственностью, стало де факто, как отмечается многими, более защищено и не отторгаемо государством; а во-вторых, переход к более интенсивному, эффективному росту после преодоления определенного порога в доходах, к чему, как представляется, стремится руководство Китая, будет императивно требовать еще большей защиты частной собственности.

Пытаясь обосновать тезис об эффективности коллективистских институтов, автор, увы, фактически ошибся, говоря о том, что, в частности, в Восточной и Южной Азии нет ... трущоб (стр. 40, прим.). К сожалению, это вовсе не так. В 2000-е годы от четверти до половины численности городского населения в Южной, Юго-Восточной и в ряде регионов Восточной Азии проживало в трущобах (в т.ч. в таких городах, как Мумбаи, Манила, Джакарта и др.)⁸

Не понятно, на чем основаны оптимистичные предположения автора, являющегося, как и все мы, свидетелем резкой эскалации этноконфессиональных конфликтов, межстрановых и гражданских войн и общей политической нестабильности (восстания, революции, военные перевороты) в странах Ближнего Востока и Северной Африки⁹, что именно этот регион, вслед за Китаем, окажется «наиболее готовым принять китайскую модель» и осуществить «успешное догоняющее развитие» (стр. 8).

Цифры – вещь достаточно условная. И все же трудно пройти мимо замечания автора о том, что в РФ подушевой доход примерно такой же, как в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и Северной Африке и Восточной Азии (стр. 160). Он в России, во многом вследствие подорожавших в течение последних 12 лет углеводородов, оказался все-

⁸ См.: UN-Habitat. Slums of the World. Nairobi, 2003. P. 36-37, 76. (<https://archive.org/stream/SlumsOfTheWorldTheFaceOfUrbanPovertyInTheNewMillennium/Slums-of-the-World-The-Face-of-Urban-Poverty-in-the-New-Millennium#page/n37/mode/2up>); Arimah, B.C. The Face of Urban Poverty. UNU-WIDER. Working Paper N0. 2010/30. Helsinki, 2010. P. 9 (<http://www.rrojasdatabank.info/2010-30.pdf>).

⁹ См., например: Мельянцева В.А. Причины и факторы экономического отставания в арабо-мусульманском мире // ВОСТОК (ORIENT), 2014, № 4. С. 127-140.

таки *примерно вдвое выше*¹⁰. В результате приполярная Россия, которую автор фигурально включил в глобальный Юг (стр. 3), судя по ряду международных критериев, вошла в нижний эшелон группы высокодоходных стран мира. Правда, ее пребывание там в немалой мере будет зависеть от того, удастся ли ей сохранить позитивную динамику роста в крайне непростой геополитической и геоэкономической ситуации, возникшей в последнее время.

Заранее прошу у читателя извинения за изложенные ниже детали, но подчеркну, что немалая часть регрессионных уравнений, рассчитанных автором и описывающих такие важные вещи, как, например: связь роста душевого ВВП стран мира и роста численности их населения (коэффициент детерминации $R^2 = 0.17$; стр. 26); того же показателя и состояния платежного баланса стран (первый вариант расчетов $R^2 = 0.16$, второй 0.23, стр. 124); того же показателя и уровня валовых внутренних сбережений ($R^2 = 0.29$; стр. 34); связь уровня валовых внутренних сбережений стран мира и уровня душевого ВВП ($R^2 = 0.21$; стр. 34); зависимость показателя прироста валютных резервов от уровня внешнеторговой квоты, его изменения, а также исходного уровня доходов ($R^2 = 0.34$; стр. 129); зависимость между уровнем неравенства распределения доходов и показателем числа убийств в расчете на 100 тыс. жителей ($R^2 = 0.30$; стр. 48) - недостаточно, как говорят эконометристы, робастна (устойчива, надежна), имеет коэффициент детерминации от трети до одной шестой. Т.е. вариации (в пространстве и/или во времени) зависимой (исследуемой) переменной *в лучшем случае на треть* объясняются выбранными регрессорами. Что, конечно, недостаточно для доказательств и иллюстраций сделанных выводов. Правда, во многих серьезных исследованиях встретишь, бывает, и не такое.

¹⁰ Рассчитано по: The World Bank. Purchasing Power Parities and Real Expenditures of World Economies. Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program. Washington, D.C., 2014. P.35-38.

В целом же эта книга, написанная весьма эрудированным ученым, содержащая много полезных расчетов, интересных и отчасти провокативных выводов и обобщений, касающихся реинтерпретации успехов и неудач долговременного экономического развития ведущих стран мира, поиска эффективных источников, инструментов и моделей экономического роста, может дать читателю богатую пищу для размышлений и, несомненно, заслуживает, возможно, с некоторыми уточнениями и поправками, ее перевода и издания на русском языке.